

ВЛАДИМИР БОЛОХОВ

ПИСЬМА МИХАИЛА ВИШНЯКОВА

Вместо предисловия

*Жизнь разочлась со мной. Она не в силах
Мне то отдать, что у меня взяла
И что земля в глухих своих могилах
Безжалостно навеки погребла.*

Пётр Вяземский

Беря во внимание беспримерную масштабность территориальных пространств государства Российского, без всяких преувеличительных натяжек можно и должно отметить, что случилось нам быть с Мишей Вишняковым, считай, прямыми сибирско-азиатскими земляками. Он родом из столицы Забайкалья, “где золото роют в горах”, – песенно-каторжанской Читы. Я же – волею ссыльно-спецпереселенческих судеб, то бишь судеб “раскулаченных” смоленско-воронежских моих предков – из не менее “далеко в стране иркутской” знаменитой столицы Восточной Сибири Иркутска. Там я появился на белый свет в историческом доме, который в своё легендарное время, по семейному преданию, также послужил каторжно-ссылным прибежищем знаменитому мятежному декабристу – князю Трубецкому и, понятное дело, его героической жене, пронзительно воспетой кровотошно-гражданственной лирой Николая Некрасова в его лироэпическом гимне – поэме “Русские женщины”. Кстати, именно в отреставрированном том двухэтажном особняке ныне находится иркутский Музей декабристов.

Правда, ежели по совести, то самого стольного Иркутска я совершенно не помню, ибо изначальную толику сознательно-младенческого детства привелось мне прожить в глухоманно-таёжном городочке с бурятским названием Тулун (если не ошибаюсь, в переводе означающим “каменный мешок”), нынче премного известном из-за небывалой наводненческо-паводковой катастрофы в окрестностях незабываемо-волшебной для меня реки Ия...

Но, похоже, стихийно-могущественным паводком сердечно-лирической памяти поволокло-закрутило и меня... А речь-то моя всё-таки о том, что сибирского своего земляка и сверстника Михаила Вишнякова повстречал я впервые... Ну, ясное же дело, на легендарном Тверском бульваре – что уж там европейской! – планетарно-Первопрестольной по имени Москва белокаменная...

Итак, коль мерить по человеческим меркам, то, считай, в “допотопном” – столетне-юбилейно-ленинском году, обыкновенным чудом пройдя двузначный на одну студенческую вакансию конкурс и немислимо-успешно сдав не

только винно-водочную стеклотару, а и высокобалльно-вступительные экзамены в единственный в Литературный институт, оказались мы с Мишей одним творческо-поэтическом семинаре весьма известного тогда “лица не общим выраженьем” литкритика Владимира Гусева...

Далее – хоть роман, хоть эпопею катай, всё мало будет! А у меня ведь есть заглавно-первостепенная задача: не позволить кануть в известные неги сохранившимся у меня (к сожалению, не всем) письмам тогдашнего литбурсацкого дружка моего (ставшего одним из успешнейших сибирских поэтов), в любых смыслах загадочного. И, слава Богу, имеются у меня в наличии, то есть в памятно-архивной “зачке”, оригинально-рукописные “вещдоки”, неуклонно готовые поспособствовать мне, “не растекаясь мыслью по древу”, исполнить, возможно, нечаемо-предназначенное...

Начну с собственного стихотворения, написанного в студенческом общезнании. Итак, в один из “постных” и поневоле “разгрузочных” дней спроворилась у меня в притихшей общаге такая вот истомно-малооптимистическая вещица, тут же и посвящённая пришедшему от неё в телячий восторг Михаилу. Посвящённая по его личной категорической просьбе. Как некогда отчеканил – из самых почитаемых Михаилом – поэт: “Читайте, завидуйте!..” Ну, насчёт “завидуйте” – это, как говорится, дело на любителя... Итак:

* * *

Михаилу Вишнякову

*И отрубил очередной кураж
попоек — до свинячьих изречений.
Баржу похмелья взяв на абордаж,
плыву по воле трезвого течения.*

*Воскресшей мысли брезжащий простор
пружинит грудь предошущеньем нови.
Но слаб души раздрызганный мотор,
и бьётся сердце лишь на честном слове.*

*И после вздорных — попусту упорных —
попыток — будто пыток — завести,
глотает горсть снотворных тошнотворных,
хоть в дрёму тужась ноги унести.*

*Куда там! — в мёртвой зыби простыней
бессонница на мель кошмаров сносит.
А магазин — хоть миллион имей,
хоть околей, — откроется лишь в восемь...*

И, как говорится, ничтоже сумняшеся “обнародовал” я сие лиро-откровение на ближайшей сходке нашего семинара, руководитель которого, смыкнув многозначительно да крякнув одобрительно, упрятал сочувственно-смеющиеся глаза под навесом козырька скрещенных над бровями ладоней.

А Михаил на первой же перемене припёр меня – в полном смысле слова – к стенке:

– Старик, это как же тебя угораздило не застолбить – во всеуслышанье, что сей антиалкогольный шедевр посвящён тобою именно и только мне?!..

Пришлось “дать зуб”, что впредь так и будет, как он сам того желает. А возжелал онго однокурсник мой, похоже было, “всерьёз и надолго”, в чём спустя всего какую-то неделю довелось мне убедиться самолично изумлённо “зашевелившимися” собственными ушами.

Короче, на очередном семинарском сборище наш “читинский гризли” (так за медвежье-фактурную осанку и походку многие семинарцы ёрнически кликали “косолапого” Михаила) вернул мне должок, да к тому ж с лихвою изрядной. Впрочем, тут не объяснять, а всенепременно цитировать надобно:

*Буду как Болохов, буду как Болохов!
Разве о нём не слышаны вы —
литпервачи “цэдээльской” Москвы,
не верящей в слёзы лирических олухов?*

*Вы — режиссёры, артисты, художники,
вы — постановщики фильмов и пьес?..
Вот он бредёт под сентябрьским дождиком,
думает что-то... и вроде бы чуточку трезв.*

*С детством поруганным вдрызг расскандалил он,
к охоте, что пуще неволи, готов.
Вот он — в дешёвых портках и сандалиях —
топает с сумкой стихов и долгов.*

*Куда он, хранимый шальною судьбиною,
в толпе одинокий, собой не любим?..
Сколько в нём песенно-соловьиного
рвётся из светло-разбойных глубин!*

*Эти движенья души, как по лезвию,
знает, кто ставил перо на ребро.
Жизнь не подвозит идущих в поэзию
ни на троллейбусе, ни на метро...*

*Башку остригу, чтоб хватило на бороду,
литбурсаки пусть горланят мне вслед:
— Гляньте, вот — новый непризнанный Болохов
самый с утра современный поэт!*

Предполагаю, что вряд ли Михаил включал сие посвящение в полное собрание своих сочинений. Тем приятнее, надеюсь, будет узнать о его существовании хотя бы прямым его наследникам. Как, кстати, и о собственноручной его рекомендации меня в Союз писателей, оригинал которой (не сгодившийся, ибо приняли меня в сей Союз аж шесть лет спустя и, по сути, в “другой стране” — в октябре “послепутчевского” 1991-го) воспроизвожу ниже, заканчивая ею необходимое предисловие к публикации его эпистолярия — “давно минувших дней, но старины не столь глубокой”.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

С поэтическим творчеством Владимира Болохова я знаком пятнадцать лет, ещё со времён учёбы в Литературном институте им. М. Горького, с той поры, когда в Москве появился внешне размашистый и самоуверенный, внутренне пытливый и глубоко думающий молодой человек. Это единство и столкновение двух начал — безоглядно широкого жеста и исподволь продуманной, настойчивой мысли — стали приметой его стихов и баллад.

Своеобразие почерка Вл. Болохова порой раздражало, но чаще воспринималось с восторгом. Как у всякого настоящего творца, у Вл. Болохова со временем появилось чувство пути, движения, взлётов и озарений, отступлений и прорывов в глубины современной общественной мысли. Гражданский, часто ораторский пафос, масштабность мышления, серьёзное содержание стихов Вл. Болохова не могли быть не замеченными — поэтические подборки Вл. Болохова стали появляться в столичных журналах, позже пошли отдельные книги. О поэте свои добрые слова сказала и критика. Так в нашу поэзию пришёл новый работник, причём, пришёл всерьёз и надолго. Это не планер, которого поднял случайный “восходящий поток”. Вл. Болохов работает на собственном, выработанном за долгие годы горячем материале души и таланта, опыта и мастерства. Его строки оплачены духовным опытом личности конца XX века, десятилетиями труда и терпения.

С чувством радости и с полной ответственностью я рекомендую Владимира Болохова в профессиональный Союз писателей.

Михаил Вишняков.
Член СП СССР с 1979 г. Писательский билет № 04383
6 марта 1985 г.

Ну, а теперь своевременны и сами письма Михаила (не всегда хронологически обозначенные) — в диапазоне между 1971-м и 1985-м годами, которые во избежание банальной путаницы воспроизвожу в интуитивно-последовательной их пронумерованности.

Владимир Болохов.
Двадцатый октябрь XXI века.

* * *

Ну, здравствуй, старик!

Получил твоё нежное письмо совсем неожиданно — молодец ты, что написал, я вот пишу скупо и редко не потому, что мало волнуюсь за других. Отнюдь! В последние годы осточертела всякая писанина, кроме стихов. Неожиданно полюбил думать, просто думать. Какое это наслаждение — нет, не говорить кому-то, не писать, а просто размышлять — для себя. Написать-то я уже много чего написал, пора и обдумать кое-что в жизни.

Я искренне рад твоим успехам; видимо, в тебе начался процесс бурного роста интеллекта, углубление и зрелость, добрые плоды от которых ещё скажутся. Размышляя о личности русского интеллигента, — о Боже мой, как мы бедны духовно, насколько неразвиты, примитивны наши чувства! — я страшно завидую не тем, кто вырос творчески, кто взял вершины в литературном мастерстве, а созреванию богатой, яркой, бурной природы, где творческое горение — не Болдинская осень, не всплеск, а постоянное рабочее состояние души, ума, характера. Плескаться-то мы все горазды, а вот жить постоянно плещущим — этого нам пока ох как не хватает. А не в том ли суть каждого таланта?

О себе. Как и ты, после сессии много раскачивался — уехал в отпуск с бригадой “бичей” в монгольские степи зарабатывать “длинные” деньги. Это был страшный июнь: пекло, адская работа ломом и топором. Но — окреп, прокалился, загорел и вообще забыл всё, что мешает человеку, как живому существованию. Вылез из долгов — длинные деньги всё же существуют, — и вот сел за стихи и первую контрольную. А два месяца уже канули в прошлое бесплодно...

Что привезу? Видимо, это будет цикл стихов о любви (“май жестокий с белыми ночами”)... Усмехнёшься? Есть чему! Но, но... Подзаголовком можно будет поставить: “горно-таёжная любовь” потому, что словесное оформление — долой обветшалый символизм с “чарующей печалью”! долой нытьё, сложность природы, изломанность сегодняшнего мира! Ты заметил, я говорю “кодами” нынешних журнальных критиков... Ясность, нет, даже буйство, вихрь, дикое, необузданное, огневое, здоровое!.. Ведь мы же, старик, любим... И — как!!!

В стихах уже есть дикие травы, женьшень, жарки (особенные горные цветы. — В. Б.), глухая мята, лесные озёра. Не знаю, как насчёт ценности этой атрибутики, ведь здесь рядом с яркостью и сочностью может оказаться заурядный лубок, а рядом с красотой — пошлая красавица... Вот несколько фрагментов:

*

*Были ночи — в чёрных папахах:
молоды, хмельны и остры,
по-цыгански, в красных рубахах
до утра плясали костры.
Что-то дикое, огневое,
потрясающее до слёз...*

*

*Очнулась злой и непонятной,
глаза — гудящие шмели...
Но притомлённой дикой мятой
не пахли волосы твои...
Но губы — жжёного женшенья,
но плечи — белый непокой —
не отзывались на прощенье,
не вздрагивали под рукой...*

*

*А зори — не отпыхали!
Жарки в глазах — не доцвели!..*

*

*Я запомнил отца её —
звероватого зверобоя,*

*его нож — над моей судьбою,
перед сердцем — его ружьё...
Дикий, злющий, как росомаха:
— Опозоришь девку — убью!
И монгольским ножом — с размаха...*

С моей требовательностью к слову работа идёт медленно, хотя я вроде и не разгибаю спины над столом или блокнотом. И не потому, что мне трудно что-то написать с ходу... Нет! — истинное рождается в адской работе...

Меня вот упрекают в делании стихов. Пусть посмотрят черновики наших отечественно-литературных “глыб”.

Боже мой! Сколько они пахали и перепахивали! И — как!.. И если из меня ничего путного не выйдет, то не потому, что я обрабатывал свои фантазии и образы беспощадным алмазным наждаком, а потому, что талант мой оказался не того масштаба, не того качества — резец гранильщика тут ни при чём...

Твоих “Волков” (речь о моей балладе. — В. Б.) напечатаю. Газету пришлю...

Да, меня уже перевели на якутский и ойротский языки. Так сказать, грустно иронизирую, мол, печатаюсь на нескольких иностранных языках... А вообще я сейчас здоров нравственно и душевно рад твоему неунынию... Вообще-то даже как-то и странно: мы с тобой при всех неудачах — люди оптимистически настроенные. А это такая редкая редкость в наше время. Не потому ли, что захолустные наши муки и разные-прочие унижения не заслонили от нас неба, а на небе — солнца, а даже совсем наоборот — обострили чувство прекрасного? Потому, что мы живём, дышим, любим...

Не с этого ли и начинается сама поэзия?..

Михаил Вишняков.
Чита. 26 июля 1971 г.

* * *

Письмо, начертанное на берёзовой бересте:

Привет тульским “ГРЫЗЛИ”!

Я жив-здоров. Пишу плохие стихи. Работаю. Болел. На осеннюю сессию не собираюсь ехать. Просто хорошо жить в лесу, молиться колесу, писать на бересте письма разным “грызли”. Я не мог тебе в тот раз ответить — что такое славянофильство? В чём позиция? Так вот — это особый склад чувств

и особое мышление – лесное! Мне приятнее писать на бересте. А вот Шамхалу (кавказцу-однокурснику. – В. Б.) – на камне: он прислал мне письмо, выбитое долотом на камне, посылкой весом в 14 килограммов и 400 граммов!
Пиши на чём хочешь – вот такая позиция!

Твой “Грызли”.
г. Чита

* * *

Болох-Молох!

Получил твою открытку в свободное время – у меня творческий отпуск – и изумлён. Письма от тебя я не получал, вот те крест! Сажу пока дома, делаю последнюю (вернее, первую) контрольную по личной теме – от Тарана (имелся в виду проректор заочного отделения Литинститута профессор Таран-Зайченко. – В. Б.). Остальные все до одной списал, ребята прислали (Гребнев, Полуфунтиков, Четверикова и т. д.). Я теперь ни грамма не пью. Нализался я в Москве на Съезде писателей РСФСР, хотел выброситься из окна гостиной “Россия” – не дали, а жалко...

Ты даже не поверишь, что я глухо пил. От горя непонятного. От тоски. От подлости жизни – везде теперь тянут, просят стихи, приглашают. А где же вы, суки, были, когда мы в общаге дурдома плакали от непробиваемости, бессилия и страха, что время уходит?! Меня сейчас почти никто не понимает. Да едва ли и ты поймёшь. Кто-то говорит, мол, с жиру бесится, кто-то, мол, от пижонства. А у меня совесть болит. Те же стихи, что ругали, даже хуже, – теперь хвалят и печатают, суки!..

И я, видимо, начал сламываться. Сил нету на эту жизнь. Мне бы, Володя, в двадцать начать печататься, я бы стал большим поэтом. И это – уже как бы со стороны смотрю на себя – объективно. Был у меня дар на большого поэта, но он ушёл на пробивание редакционных стен, на апатию, на бездарно сложившуюся жизнь. Жалко не себя – нет! – а как бы сказать... Ну, вот копают под окном канаву и порвали телефонные провода... Жалко... Жалко и обидно, что общественная ценность загублена, а моя ли она, твоя или Бутина (наш общий друг-однокурсник из Екатеринбурга, тогдашнего Свердловска. – В. Б.) – всё одно больно. Тут не самолюбие, тут совесть кричит. Сейчас вот какого-нибудь парнишку эта жизнь ломает и губит, и никто-нико – ни я, ни ты – не в силах ему помочь...

В “Сибири” (в иркутском альманахе. – В. Б.) тебя не видел – поищу. Асламову (куратору поэзии в журнале “Дальний Восток”. – В. Б.) напишу о тебе.

В апреле собираюсь быть в Москве...

<...>

А ты, Володя, держись. Тебе бы сейчас утихнуть, как и Есенину бы в 24-25-х годах, когда он из изрядного лирика становился великим русским поэтом... Читаю сейчас его письма, думаю, но совсем не о том Есенине, которого нам вбила в башку “проклятая среда”... Поражаюсь зрелости его ума. Это надо однажды кишками почувствовать... Какой же он напряжённый мыслитель, как тонко понимал – что там литературу! – саму жизнь...

Кстати, помнишь у Клюева: “...на крыше конёк // есть знак молчаливый, // что путь наш далёк...”?..

Кланяюсь твоей земле.
М. Вишняков

* * *

Володя!

Получил твоё письмо дня три-четыре назад, а всё не могу ответить. Вот поставил кофе варить и сел писать. Твою рукопись я выслал Сергею Иоффе (зав. отделом поэзии “Сибири”, впервые напечатавшему меня, “самотёчного”, в 1975 году. – В. Б.) давно, как только получил от тебя, так и послал авиапочтой.

Сейчас хлынула из меня новая поэма “Азия”. На время отложил “Былинный камень” (тоже поэму. — **В. Б.**) — прёт “Азия”. Поэтому даже письмо написать некогда. Извини — поэзия, не мной — Рубцовым сказано, что “не она от нас зависит, // а мы зависим от неё”...

Вот чёрт, кофе выкипел!..

О твоей мысли насчёт нередкой моей декларативности много думаю, не в смысле оправдания — в смысле размышления вообще. И вот какие странные думы. А почему мы так боимся декларативности? А как же пушкинское “да здравствуют музы! да здравствует разум!”... Примеров, сам знаешь, набрать не трудно, но не в них же суть. Видимо, в поэзию декларативность вплетается, как одна из весомых составляющих частей. Видимо, суть в должной пропорции поэтического образа и реальной событийности. Поэт ведь всегда что-то провозглашает. А?..

В применении к “Былинному камню” (Михаил присылал мне куски из этой поэмы, которые цитировать из-за их очевидной “сырости” не вижу смысла. — **В. Б.**) я ещё не ущучил поводов для твоих упреков, надо (как снова возьмусь) основательно посидеть и вникнуть — где и что тебя резануло. Твоему слуху и чутью я верю. А может, ты имел в виду что-то не главное для меня? В общем, буду кумекать...

Жена в больнице, дети спят, сию-пыхчу. На будильнике уже полвторого ночи. Немного — и о делах житейских. За поездку без разрешения в Москву (в “Октябрь”) на работе закатали строгий выговор. Вообще странно — в Москве я такой твёрдо-положительный. Здесь же — дай бы им только волю — первого бы уpekли за решётку. Я для них олицетворение чего-то “не нашего” — критичного, въедливого, способного на непредсказуемые дерзости и “не те” заявления, как, например, чтение поэмой главы “Пьянка в геологоразведке” на областном конкурсе политической песни при огромном стечении публики в административном зале, да и членах жюри из обкома и т. д. и т. п. За мою литературную страницу в “Комсомольце Забайкалья” главному редактору дали разносный нагоняй (много отсебятины, отрицательные типажи, и вообще Вишняков — не тот, кого надо так щедро печатать). То есть всё то, что тебе говорят в Туле. Вот тебе и положительный “образ” М. Вишнякова.

Впрочем, вся эта мура мало влияет на мою работоспособность. Пишу, пишу, пишу без оглядки. Прёт “Азия”! Не сделал ни одной контрольной и не знаю, сделаю ли хоть одну. Отослал наш обком комсомола мои стихи в Москву на утверждение не знаю кому, чтобы стать мне полноправным участником Всесоюзного совещания молодых писателей. Жду ответа, думаю, утвердят... А пока кропаю свою “Азию” — удивительно — и для меня самого — светлую, нежно-солнечную вещь. Написанную не замшелым пером. Слог — крутой, хрустящий, пахнет Павлом Васильевым, овчинами и кизяком, то есть поэзией... Буряты, степняки, кони, крупно-звёздные ночи, молоко кобылье, овечий сыр, пахучие кострища, старые погонщики, молодые доярочки...

И сплошь — сердечно-нежные слова и органично-природные звуки о дружбе народов, о благодарности Азии славянам... Паназиатство... Если бы такое написал бурят, его бы в тигулёвку отправили. Но я-то могу “азиатничать”... Тут что-то родное с блоковскими “Скифами”... Это будет самым любимым моим творением... Строк этак на 500 (пока) будет...

Люблю читать первому встречному и хвастаться тоже горазд первому встречному, мол, это — я! И ты уж прости. Я ведь, в общем, не люблю своих стихов — до чёрного запоя. А вот эти, “азиатские”, люблю до... не знаю, чего... Есть какие-то в “Азии” куски, для меня первородно-звучащие, как музыка ветра в бескрайней степи... Пусть будут, может быть, и ругать — даже ты и сам Цыбин (мы тогда уже на другом курсе “набирались ума” и оказались в семинаре у Цыбина. — **В. Б.**), мне всё равно. Буду любить хрустеть словами, гикать, плескать образными красками. Перенасыщенность? — пусть! Зато — не художесочие.

Эх, мне бы сейчас рублей 100 в месяц да холостячность, да в степь рвануть! За год написал бы... полное собрание сочинений!..

Твой рассказ напечатали (в областной молодёжке “Комсомолец Забайкалья”. — **В. Б.**). Я что-то там урезал — просили-требовали, что? — не помню... Не ругайся! Всё некогда, всё в спешке, в заработках на телевидении, в гонке, вихре, семье... Хотя вот даже сломавшегося квартирному замка не могу заменить... Время, время, время поджимает и гонит... И почему только

жена не выгнала до сих пор?! И отец я никудашний... Не-ког-да! А тут ещё и запойно-затяжной период вдохновения... С октября месяца...

Да, название своего рассказа — “Белый ранет” — оставь (у меня было “Груши”. — В. Б.). Моя придумка. Красиво и что-то чеховское, что ли... “Белый пудель”, может?.. В общем, мне нравится... Ну — всё. Пиши, чёрт!

М. Вишняков.

Да, я даже не пью совсем — с 10 октября и Новый год тоже, и Старый, и...

в общем, потом наверняка наверстаю...

* * *

Любезный мой Володя Болохов!

В лето 1978-го был по-весёлому доволен получением твоей (наконец-то!) первой книги (в которой, как тут не “возгордиться”, была напечатана лирическая баллада под названием “Лист”, посвящённая — в то время напрочь категорически-официозно “неупоминаемо-опальному” — Николаю Рубцову. — В. Б.) — унёс на работу и рассказывал, что вот и издался последний наш семинарист из “гусят”.

Что думаю? Очень точно сказала моя жена: “проснулся мальчишка зелёный” — твоими же словами. Именно ощущение начала, первости, зелёности определяет достоинства и недостатки книги. Чистая, с ломающимся баском, искренняя, где-то и угловатая, с желанием утвердить себя в позиции, в поэзе — вернее.

Самое сильное, что огорчает (и что, не мешкая, откровенно скажу, вскоре несколько охладит наши дружественно-бесшабашные взаимоотношения. — В. Б.), — это я понял как-то болезненно и остро — книжка стихов бездельника, человека, никак не связанного с чем-то смертной связью.

Твои неопределённые занятия все эти 30 лет сказались и в поэзии. Я в Сибири привык, даже здороваясь с незнакомым человеком, спрашивать — кто ты? Охотник, буровик, геолог, хлебороб, плотогон, горняк, оленевод?

Самым сильным началом в советской поэзии, что бы там ни говорили, было и останется: “Надо жизнь сначала переделать, // переделав, можно воспевать”. Мне всегда были больше интересны бригадиры и буровики, добытчики меха и урана, мерзлотники и скотогоны. За ними жизнь — такая, какой ни одно “свободное” перо не поймёт. Твоя свобода от грубой, нудной, но одной профессии — как бы к тебе не обернулась свободой от жизни?!

Слышу твои возражения: “Я — поэт, вот моя профессия”. Слышу и такое: “Да, у нас много книг, рассказывающих, как валить лес, добывать руду, сплавлять плоты, варить сталь, а книг — как жить? — нет”.

Нравственная сторона дела — вот где поэзия. Там, где есть одно дело, — плохо и там, где есть одна нравственность, а дела нет.

Конечно, эта книга должна была выйти в твои 20 лет, всё было бы хорошо и естественно. Но я пишу не для того, чтобы оценить, я гляжу вперёд — в твою 2-ю книгу. А что, если и она будет такой же? Страхись безделья свободы — как позиции, как философии. И твои горести, безденежья и т. д. не спасут. Уйди хотя бы на год — хоть на БАМ, хоть на рыбный промысел, хоть в Сибирь.

Следующее: уточни внутри — где ты? Мне, возможно, показалось, что как декламатор ты сильнее, чем художник. В этом (в декларации) нет ничего плохого. Декларируют не только политику (что тебе так ненавистно), но и природу, жизнь, эстетику. “Да здравствуют Музы, да здравствует разум!” или “Погиб поэт...”, или “Скифы мы...”, или “Тихая моя родина...”, или “Я вас любил...”

Заметил ещё одно: иногда форма идёт впереди существа, идеи, чувства. И это ты — не любящий скованности, рамок, ограничений? Странно, но “Тишина”, “Первоапрельский снег”, “Осенний луч” и т. д. — форма явно довлеет.

Много “природы”, как таковой, как спектакль о сталеварах без нравственности. Ну и что — снег, дождь? А ты как с ними связан? Что тебе в нём, дожде?

К моим замечаниям можешь относиться, как хочешь, но зрелость ещё далека, мастер ещё слабо виден. А я, грешный, за зрелость стоял ещё в Литинституте...

Живу. Пишу. От “дебилоидов” вроде бы вылечился. Сейчас в отпуске. Сдал книгу на 80-й год. Взяли поэму о декабристах в “Лит. театр” Новосибирского ТВ. На цветную плёнку писать будут.

Много читаю, езжу в Дикую степь, в народ, смертно связан с экономикой, политикой, сельским хозяйством, я – не поэт, я – деятель Сибири, переустроитель. Пишет мне мало кто и редко, причина одна – ругаю за творчество, требую максимализма в литературе. Удаётся ли самому – не знаю, но путь мой ясен – никаких скидок. Пришла зрелость. Хватит валять дурака. Пора брать ношу на спину. Ношу – всё уметь и за всё отвечать.

Пиши!
Твой М. Вишняков
г. Чита

* * *

Здравствуй, Владимир!

Ты, как обычно, в движении, ты похож на английский крейсер у берегов Аргентины – в пробоины хлещет вода, да не водица житейская, а спирт, скорее; оброс ракушками сомнений и разных неудач. Но – в движении, ибо речет флаг будущего. К плывущим я отношусь, как мой любимый афинский мудрец Анахарсис (скиф по рождению), его спросили: “Каких людей больше – живущих на земле или мёртвых?” На что он переспросил: “А куда причислить плывущих?” Будут у тебя (куда они денутся) публикации и книги, будет дикое чувство пустоты и восторга, горя нутряного и лихорадочного поиска. Будет многое, пока не причалишь к берегу и не сделаешь, как Пётр Первый, “ногою твёрдой встав при море” – на земле. Что земля? – это один Бог знает...

Сейчас уже ясно, что впереди, как расщелина в подсознании, “маячит” цель общественного развития, к которой надо готовиться. В эту щель “пройдёт” всё, написанное за последние 20 лет. Есть сейчас проблема молодых, видимая мною с двух сторон (недавно сам был молод, нынче вожусь с молодежью в литобъединении). Наша организация катастрофически стареет. А кого принимать? Есть, есть люди способные в литературном деле, но, Боже, какая незрелость, щенячье ребячество, наивность, если не инфантильность – политическая и общественная. Задыхаемся от груза работы, а поручить молодым – провалить. Заурядной грамотной бумаги в горисполком написать не могут. И откуда это в России? – что поэт, кроме поэзии, и знать ничего не должен. Державин был сановником, государственным человеком, Пушкин создал “Литературную газету”, Некрасов издавал и редактировал журнал, Брюсов руководил институтом, Есенин поехал в Питер, чтобы затеять новый журнал, Твардовский, кроме “Нового мира”, много работал в секретариате СП... Кроме техники стихосложения, есть науки гражданственные и политические, управленческие и организаторские. Я верю, что молодые напишут талантливые вещи, но вот выход в общество как крупных зрелых мужей затягивается. В этом беда и ограниченность таланта. Не всё сказанное выше относится к тебе, но кое-что есть. Очень бы я хотел, чтобы ты, Владимир, поскорее стал членом СП и одним из значительных литературно-общественных деятелей хотя бы в своей – ведь толстовско-лесковско-глеб-успенско-тургеневской, по сути, – губернии... Москву-то можно и должно штурмовать, да лучше бы с достаточно солидным и заслуженно-авторитетным “тылом”... Вот видишь, не хотел, ей-богу, а звучит, как занудное и в каком-то смысле чуть ли не карьеристско-ретроградное...

Но ведь я-то и по себе сужу-ряжу. Заканчивая период (кстати, много мне давший) утверждения в обществе, уйдя с TV, я тут же организовал-сколотил Бюро литературной пропаганды, откуда собираюсь “уйти в народ”, то есть куда-нибудь на страдную работу в тайгу или степь. Теперь, ты понимаешь, я уже не потеряюсь в пространствах, потому как в жизнь уйдёт художник, её воспринимающий чуть со стороны и наособицу, чтобы всё виднее и выпуклее было...

Мои шансы в Первопрестольной не ахти ведь какие. Книги в “Совписе” и “Мол. гвардии” – без движения с 1979 года, с “Октябрём” пытаюсь наладить былые отношения, ранее разорванные по моей мудрой глупости.

Пишу, перевожу, сотворил ряд песен с композитором, ращу детей. Царапаю иногда и прозу — для себя. Редактирую книги, рецензирую рукописи. С “Сибирью” в добро-натянутых отношениях, меня-то они печатают, но рулить в журнале не допускают. Альманах же не имеет даже собственно-редакционного пристанища и прозябает под эгидой Восточносибирского издательства. А мои прорывы за год-два — не рано ли? и не жирно ли? — говорят издатели про меня...

И твоя новая подборка, вспомни слова Анахарсиса, “ни жива” и “ни мертва”, а — “плывущая”. Попробуй написать письмо Альберту Гурулёву, составителю. Может, дело и побыстрее продвинется...

Вообще надо выходить на поэму — сдержанную, богато реалистическую... Ищу стержневую тему внутри себя. Завтра в Читу приедут буряты из Улан-Удэ, станет известно, что там у них с моей поэмой о смерти. Я её предложил в их журнал “Байкал” в № 3-4. А “Избранное” моё в Иркутске идёт не в 84-м, а в 85-м году. Ничего, подождём.

Может статься, побываю и в твоей Туле (“обменные” делегации — осенью). Летом уеду на озеро Арей в тайгу. Да, а книга моя очередная идёт в Иркутске в 83-м. Есть возможность “оглядеться окрест” и пожить “думами дальними”.

А вообще надо писать и писать. И попытаться выстоять в духовно-душевной распутице, охватившей многих. Если мы потонем — непростительно для российской поэзии, коей всегда было не просто забыть “Кастальским ключом”...

Обнимаю.

Твой М. Вишняков.
Май 1982, г. Чита.

* * *

Володя!

Мы у истока прекрасных и горьких иллюзий, но Россию спасала работа и душа. Верю, что и на сей раз будет так — история делает виток...

Я жил это — осень-зима! — время трудно и больно. Но... писал: и публицистику, и, конечно, стихи. Задумал поэму “Чёрный Байкал”. Много ездил по ледяным дебрям сибирского Севера, даже на белку охотился 14 дней. Я к убийству зверя был всегда склонен.

А вообще что-то светает на моём горизонте: боли утолились, вихри улеглись. Проще и мудрее принимаю удары судьбы. На выхлопе, на пределе всего не сделаешь. Но делать надо — покуда сил хватает.

Книга Цыдыпа Жамбалова “На перехват солнца” выходит в 1985 году в серии “Сибирская лира” (квартал не помню). Я потом пришлю тебе. Я думаю, ты должен пройти в СП. Да и пора! Хотя... на заседании прошлым было так: 4 из 17 кандидатов приняли, что-то озверели столичные “приёмщики”. Был бы я в Москве — помог. А сейчас почти все контакты с властью имущими порвал. (Не вздумай при В. Гусеве упоминать меня, он меня просто на дух не терпит, лучше, если зайдёт разговор, назови меня сухой и падлой — я прощу это тебе, коль надо для дела.) Я теперь никого не боюсь, ибо сила художественно-слова окрепла во мне, а она — бессловна!

“Мне сам Бог не указ, но, коль с горя запью, — то боюсь, как мой дед, лишь пророка Илью”...

Мне нынче 2 сентября — 40 лет. И все 40 — в Сибири. Это что-то да значит. Вошёл в антологию, где Пушкин, Блок, Есенин, Маяковский, Тютчев, Рылеев, Кюхельбекер, Лермонтов (с таким порядковым “разбросом” мне согласиться мудро. — В. Б.) и т. д.

Дети уже большие. Ещё 5-8 лет, и я покупаю дом в деревне — глухой-преглухой — и поселяюсь там. Задумано в голове — на 5-8 книг стихов, прозы, мемуаров и т. д.

Кругом мрут друзья, посему я опять не пью — попытаюсь договорить от лица Сибири, допеть, домечтать. Сделано, слава Богу, немало. Будет сделано ещё.

Обнимаю и жду известий о членстве в СП. Не падай, главное, духом!

М. Вишняков.
3 января 1985 г.
г. Чита.

Владимир!

Получил твои письма, но так занят на работе, что еле-еле вырвался к столу, чтобы ответить. Меня ещё в давние годы удивляли серьёзность и глубина, и особо зрелость твоих писем – по сравнению с образом твоей баламутной жизни. Также и взгляды твои верные и любимые мной на главное для нас: поэзию.

О существе дел.

1. На днях вылетаю на Иркутское ТВ, увижу ребят из “Сибири”, напомним и потолкуем о тебе.

2. С “Октябрём” у меня будут разговоры. Там вот жду третий месяц ответ на мои резкие письма Н. Кондаковой и А. Агапову. Отношения у нас очень сложные. Они где-то меня не принимают и... печатают. Ты, может, просто “подготовить” их к печати в счастливо-клятый для меня “Октябрь”. Само мышление у большинства “ведающих” поэзией в журнале не поэтическое.

“Логика” – ржаво-железная. Рамочно-кондовая: от сих и до сих. Хоть – что там лоб! – душу расшиби! Как легко мне работалось с альманахом “Поэзия” – взяли, отобрали, напечатали. Там же именно – поэтический – читатель, подготовленный. А в “Октябре”, “Знамени”, “Новом мире” – читатель, как говорится, “широкий”. И сотрудники этих журналов знают его – читательско-вкусовые – предпочтения и даже капризные его претензии. Но и дело, и место своё они тоже хорошо знают. Потому и нет строки, образа, самого стиха, за которые бы “логическо-служивая” мысль этих людей не мучала меня. И знаешь, может, где-то по-своему они и правы – многовато “поэтической водицы” мы льём! Но вот за твои крепкие, осязаемо-предметные, а главное, органически-нутряные стихи я буду пытаться стоять, что говорится, “на смерть”.

3. О твоём “Памятнике” (речь шла о небольшой поэме моей, под новым названием “Звезда” лет двадцать спустя опубликованной в красноярском журнале “День и ночь”. – В. Б.). Если я и буду толкаться в “Октябрь” с чем-то твоим, то не с этим произведением. Попытаюсь объяснить.

Сейчас поэзия прошла этап органично-идейной оглашенности... Поэт ты более солнечно-идейный, нежели я... Мои детализованные, с мясом и плотью драматизации куда чернее твоих взыскующих неба наитий и – трын-травно-скептических умозаключений, и я более страшен для поэзии советской, чем ты. Читатель от меня быстро устаёт, он хочет ясного, звонкого, весёлого, оптимистического. Пойми ты это!

Я говорю твёрдо – буду за тебя в том же “Октябре” бороться. Ведь есть же у тебя и светло-сильные стихи! Давай немного подождём... Ведь анонсная реклама в № 8 “Октября” и для меня – полная неожиданность, мы ругались целый год, м. б., “Правда”, похвалившая мои стихи о печатной машинке и стёршемся на ней восклицательном знаке, что напечатаны в альманахе “Поэзия”, испугала их, – как бы, мол, не отошёл я от “Октября”; ведь именно за меня “Правда” хвалила “Октябрь”. А ещё хвалила ведь и “Комсомолка”, и “Лит. газета”...

Ладно, старик, не журись особо, как прояснится всё, напишу.

Твой – чего уж там! – благодарный тебе за многое, читинский “гризли” по прозвищу Михаил Вишняков.

Владимир!

Абстрагируясь от текущих лит. оценок, всё же сборник Ц. Жамбалова есть – есть среди множества томов и даже фолиантов национальных псевдоклассиков. Теоретически верно, что надо плясать от печки, а практически всё же делается скидка на реалии из того, что отныне есть и будет в многонациональной Сибири – поэт Цыдып Жамбалов.

Конечно, поэзии, как и всякому другому искусству, пристало равняться на великие имена. Но из конкретной литературно-общественной ситуации не

дано выскочить ни одному из нас, ибо мы, дети своего XX века, и судим, и заблуждаемся соответственно нашим представлениям о прекрасном.

Я не собираюсь этим посылом как-то возражать тебе — спасибо, что честно написал — не лежит душа, ну, и ладно. Я об общей оценке работы — да, не шедевр, но и явно не графомания.

Вообще, ситуация сейчас непростая, и ты во многом прав: тот же Горбачёв в одиночку ничего не сделает — волков в лесу много, могут и сожрать. Но ведь правда и в том, что что-то надо делать и нам — помогать, двигать, бороться, наконец. Иллюзий я не питаю, ибо не со стороны знаю номенклатурно-мафиозное “закулисье”. Но и в стороне негоже оставаться. Пока вроде “объективно” мы “за Горбачёва”, а вот простится ли нам это или позднее будет наказуемо — покажет ход общественно-политического развития в стране. Что ж, а нам никто и не гарантировал покоя и лавров в бурях своего времени, решаться приходилось и в 1825 году, и позднее...

Я работаю, опять в завале по времени — грядёт 20-летие “Забайкальской осени”, надо готовиться принимать гостей на уровне Маркова (видимо, имелся в виду тогдашний “голова” всего советского Союза писателей — Г. М. Марков. — **В. Б.**), а это значит, обсуждения в ОК КПСС, суэта забот о партийно-государственном представительстве — весь ритуально-гостевой “этикет”: от “Волги”, гостиницы, банкетных сабантуев и т. д. Меня всё это умотает до больницы — интервью, выставки, финансирование, выступления, учёты и отчёты, наши курс и позиция в ОК КПСС, СП СССР и т. п. Я уже дал “отбой” семи “европейцам”, объяснив, что они не актуальны для Сибири, я же подписываю ведомости, и меня никто не заставит финансировать “гастроли” мало-симпатичных мне людей. Нужны и нервы, и аргументы, и стойкость. Но в Чите, дальше которой не загонят, я хозяин в Бюро пропаганды — вопреки всем и всяким “инсинуациям и давлению”.

Короче, не подкузьмит лукавый — хавронья не схавает.

Поклон земле “Яснополянской”.

Твой М. В.
8 июля 1985 г.

* * *

Владимир!

Спасибо тебе за книгу — она пришла в один день с журналом “Урал”, где опубликована повесть Эрика Бутина (я уже отмечал выше: бывшего нашего закадычного однокурсника. — **В. Б.**) под названием “Дом мой на белом песке”, — двойной праздник.

Прочитал сразу же, поутру, к вечеру сел писать ответ.

Первая мысль — зрелей и ответственной стало слово. Рост мышления, рост не формального мастерства — мастерства души.

Вторая мысль — как мы, в сущности, одиноки; если для понимания товарища своего пришлось приложить немалые усилия, подавить раздражение от иной манеры письма.

Я пишу тебе искреннее письмо — по твоей же, так сказать, векторной логике (см. стр. 47), где строка: “прав — коль искренен был”. И может быть, кроме меня, вряд ли тебе кто укажет или размыслит вот о чём. Меня не устраивает мода к делу и без дела ляпать эпиграфы из наших “глыб”. Как бы чуя свою слабость, что ли? Как бы подпирая авторитетом великих собственное творчество, подпирая формально, технически. Меня не устраивает полный набор литературной терминологии (у тебя — стансы, триптих, баллада, элегия, венок сонетов, драматическая поэма). То есть как если бы не было заголовка “Стансы”, я — читатель что-то бы потерял или не понял? Литературные красивости — зачем они тебе? За ними манерность — мол, знай наших, не хухры-мухры, а стансы... Я не против вообще, но когда в одной книжке в 4, 15 учётно-издательских листа подряд идут эти стансы, элегии, триптихи — просто раздражает глаз.

Мы как-то лет 10–12 назад спорили об уместном употреблении слов, когда я что-то вякал типа “такое-то слово нельзя употреблять”, а ты ещё удивлялся, мол, кто сказал, что нельзя? А суть вот в чём.

Меня не устраивает формально-логическое мышление, которое стоит за словами “сущность”, “насущность”, “нерукотворность”, “аксиома”,

“бездарность”, “бескорыстие”, “начало начал”, “справедливость”, “беспристрастность” и т. д. Как проще и священной сказал-выдохнул о матери Есенин: “Ты жива ещё, моя старушка?..” О чём я? Всё же образно-предметное мышление ближе к поэзии, чем формально-логическое. Последнее – из области науки и техники.

Допустим, оба мы нарисовали картины – мать кормит ребёнка грудью. Но я бы так и оставил, а ты стремишься подписать картину: “Это – животворящая суть материнства”. Под “Девочкой с персиками” ты бы обязательно не удержался и подписал: “Начало начал бескорыстия” – пойми, я немного в полемике преувеличиваю, но... что такое “расчётливая мудрость беспристрастия”, “святое естество”, “смотрю под легендарные аккорды...”, “философский разум”, “бескорыстная правда” – разве бывает правда корыстная?

Ты – новатор по мысли – часто, облакаешь её в словеса красиво-алеповатые, ты – борец с пустой фразеологией – сам тянешь её в своих монологах. Это противоречие – что? – детская болезнь, корь или позиция, стиль, манера? – вот что мне хотелось разгадать.

“Литература не должна иллюстрировать идеи, уже выработанные общественным сознанием, а рождать новые идеи” – вот мой лозунг, сказанный по ТВ. Отсюда – и поиск слова, приближающий не к иллюстрации, а к открытию. А ведь нередко жест твоей мысли застревает в жесте словес. Ну-ка выговори: “И только вам дано (разумным. – **В. Б.**) благословить // расчётливую мудрость беспристрастия // и бескорыстное безумие любви” – это ли не вязь банальных словес!..

Да... меняется мир, меняется эстетика восприятия... На днях в Чите открылась выставка двух графиков – моих друзей. Один (для меня) плакатно-резок, экспрессивен, беспощадно правдив. Другой – путаник, этаким утончённый “пудритель” мозгов, непонятно-сложен. И вот – кануло время: первый – резок и понятен, но прямолинейно-стар, плакатно-плосок, искусственно-примитивен. Другой, оказалось – мудр и философичен, и с тайной неразгаданной.

Мне больше по душе второй...

Так о чём я?

Пришла зрелость, надо быть очень и очень мощным по художественности, а не по лозунгам. Мы завершаем не только поэзию, но и культуру XX века – какие тяжести ложатся на наши, в том числе и твои, плечи! Для молодёжи – ты, автор двух книг, – дикий, фантастический авторитет (вспомни наши “бескнижные” годы молодости). Я почему-то всё жду твоей автобиографической книги – о детстве, о первой любви, о личной исповеди В. Болохова, о личной его драме и о счастье, о его улице, друзьях, врагах. И вообще, Болохов поэт – чего? Земли или неба, Тулы или Крыма, почвы или голой мысли? За что он пойдёт на эшафот? В “геополитике”, глобальной, но пустопорожней Сущности или абстрактной Справедливости, коих суть – эфемерная Всеобщность, где не построишь на земле дома для жития взыскующей неба души?..

Талант – а тебя Бог не обидел – требует дальнейших дел, работ, раздумий. Я понимаю, что многие стихи – старые, но... но... их всё же писал ты...

Я не считаю свои замечания обязательными, что ли. “У нас у каждого своя дорога”. Но по праву той краяхи, которую жевали на двоих в голодной общаге Литинститута, написал то, что думал – для раздумий твоих.

Так что не обижайся.

М. Вишняков
г. Чита.
29. 12. 85 г.

* * *

Привет, Болохов, если ещё жив!

Я вот дописался до того, что вся бумага в доме кончилась и письма свои пишу на обороте стихов.

Жизнь моя, мягко скажем, как сука паршивая: вечные поездки в глухую степь по чабанам, нет столовых, нет гостиниц, нет бензоколонок, поломки машины в пустых пустынях, костры, пьянки, бригадиры, пастухи, ночлеги на МТФ, в кошарах и т. д и т. д. Проклятое ТВ!

Книги вышли, а что? Мир не содрогнулся. Болел по-чёрному (лёгкие).
Сейчас пишу плохие стихи да пью.

Жизни литературной в Чите нет. Совсем развалилась организация.

Написал поэму "Лунин" (уж ты-то знаешь об этом изрядном декабристе).
После смерти напечатают.

Дети и жена живы и здоровы.

Пиши обо всём, я ведь совершенно не в "теме" — как ты?

Книгу — при покупке всё разошлось — вышлю.

Твой М. Вишняков
г. Чита

* * *

Привет от сибирского бурого медведя!

Я — живой.

А ты?

М. В.

* * *

Вместо эпилога

*Все сверстники мои уж на покое,
И младшие сошли уж на покой;
Зачем же я один несу ярмо земное,
Забывтый каторжник на каторге земной?..*

Пётр Вяземский

XX-XXI вв.